**Н.Я. ДАНИЛЕВСКИЙ О ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ
И ИСТОРИЧЕСКОМ ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ**

Б.И. Буйло

Рассматривая характер и специфику всемирной истории, Н. Данилевский отмечал, что историю необходимо разделять не столько по возрасту (или времени), что являлось общепринятым в современной ему европейской исторической науке, сколько по культурно-историческим типам, ка-

ждый из которых имеет свою древнюю, среднюю и новую историю. По Данилевскому, можно выделить десять культурно-исторических типов, прошедших все стадии своего развития. К ним необходимо добавить ещё два американских и один только становящийся славянский культурно-исторический тип. Своеобразие России в рамках славянского культурно-исторического типа состоит, по мнению Н. Данилевского, в общинном характере землепользования. Отмечая специфику славянского культурно-исторического типа и его отличие от других типов, Данилевский подчёркивает, что каждому культурно-историческому типу присущи в той или иной комбинации четыре разряда деятельности. Но только в славянском культурно-историческом типе эта комбинация состоит в том, что в нём все четыре разряда деятельности равноправны и составляют основу этого культурно-исторического типа.

Ключевые слова: цивилизация, культурно-исторический тип, славянство, крестьянская община, национальное, общечеловеческое.

Considering the nature and specifics of world history, N. Danilevsky noted that history must be divided not only according to age (or time) that was common in contemporary European historical science, as according to cultural-historical types, each of which has its ancient, middle and new story. In total, according to Danilevsky, there are ten cultural-historical types that have passed all stages of its development. They need to add two more American and one only becoming of the Slavic cultural-historical type. The peculiarity of Russia in the framework of the Slavic cultural-historical type is, according to N. Danilevsky, in the communal nature of land use. Noting the specifics of the Slavic cultural-historical type and its difference from other types Danilevsky stressed that each cultural-historical type characterized by a varying combination of four digits activities. But only in the Slavic cultural-historical type this combination consists that all four categories of activities in it are equal and are the basis of this cultural-historical type.

Key words: civilization, cultural-historical type, the Slavs, the peasant community, national, universal.

Н.Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» [1] подвергает резкой критике основные положения современной ему европейской исторической науки, суть которых состояла в разделении всемирной истории на Запад и Восток, Европу и Азию. При этом Европа изображалась как полюс прогресса, непрерывного развития и движения вперед, Азия – наоборот, как место регресса и застоя. Какой же русский, задавал риторический вопрос Н.Я. Данилевский, захочет оказаться в стане застоя. По его мнению, деление на части света имеет смысл только в географическом, но не в культурно-историческом плане. Каждая часть света имела и имеет наиболее развитые народы и культуры. К примеру, китайский фарфор, философия, культура садоводства и земледелия в Китае и сегодня остаются образцом высокого уровня развития в том числе и для Европы.

Каждая культура и цивилизация имеют период возникновения, становления, расцвета и упадка и во времени эти этапы у различных цивилизаций как правило не совпадают. В Европе пришли в упадок и исчезли цивилизации греческая, римская, византийская. То что Запад стал развиваться быстрее Востока явилось следствием миграции кочевых племён с Востока в Европу. Эти племена не смогли сокрушить ещё достаточно сильных в то время Китай и Индию и поэтому направились в Европу, где сокрушили уже дряхлеющую Римскую империю. Войны и катаклизмы, которые с этого времени почти бесперебойно происходят в Европе, становятся мощным катализатором социально-экономического и политического развития европейских стран.

Если теперь обратиться к периодизации исторического процесса в европейской науке, то общепринятым в ней выступает деление всемирной истории на древнюю, среднюю и новую. Переход от древней истории к средней здесь по времени связывается с падением Римской империи. Но, отмечает Данилевский, какое дело было, к примеру, Индии или Китаю до падения Римской империи. Все исторические факты показывают, что на них это падение не оказало вообще сколько-нибудь серьезного влияния.

Рим, как впрочем и Греция, и Египет, и Китай имели, согласно Данилевскому, свою древнюю, среднюю и новую историю. Историю необходимо разделять не столько по возрасту (или времени), сколько по культурно-историческим типам, каждый из которых имеет свою древнюю, среднюю и новую историю. Прогресс состоит не в том, чтобы всё время идти в одном и том же направлении, в том числе и временном, а в том, чтобы всё поле, составляющее поприще человеческой деятельности, исходить в разных направлениях. Временные степени развития здесь подчиняются типам развития.

Всего, по Данилевскому, можно выделить десять культурно-исторических типов, прошедших все стадии своего развития. «Эти культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации,

расположенные в хронологическом порядке, суть: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или арабийский, и 10) германо-романский, или европейский» [1, с. 109–110]. К ним необходимо добавить ещё два американских и один только становящийся славянский культурно-исторический тип. Американские культурно-исторические типы, существовавшие на территориях современной Мексики и Перу, погибли насильственной смертью и не прошли все стадии развития. Кроме народов, образовавших вышеназванные типы, существует множество народов и племён, которые не образовывали самостоятельные культурно-исторические типы, а выполняли только созидательную или разрушительную роль. Эти племена не достигают культурно-исторической индивидуальности.

К специфическим признакам или чертам развития каждого культурно-исторического типа, по мнению Данилевского, можно отнести следующие:

1) Всякое племя или народ (семейство народов), характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой, – для того, чтобы родство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим задаткам способно к историческому развитию.

2) Для зарождения культурно-исторического типа народ должен быть политически независимым.

3) Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передается народам другого типа. Каждый народ вырабатывает его сам при большем или меньшем влиянии других цивилизаций.

4) Цивилизация в рамках каждого культурно-исторического типа только тогда достигает полноты, когда разнообразны этнографические элементы его составляющие, когда они не поглощены одним политическим целым, а составляют федерацию или политическую систему государств.

5) Во времени у культурно-исторических типов наиболее продолжителен период их становления и роста, и относительно короток их период расцвета, который истощает раз и навсегда их жизненную силу.

Рассматривая место национального и общечеловеческого в рамках своей культурно-исторической концепции, Данилевский отмечал, что отношение национального к общечеловеческому обычно представляют как противоположность случайного существенному, необходимо прорвать национальные преграды и выйти на общечеловеческий простор. Общечеловеческим гением считается такой человек, который выходит за узко национальные рамки и выводит туда как себя, так и народ, следовавший за ним (К примеру, Петр I). У нас в России в 30-е – 40-е годы XIX века этой позиции придерживались западники: Белинский, Грановский и другие. В качестве национального они рассматривали специфически русское.

Западникам противостояли немногочисленные, возбуждавшие всеобщий смех и глумление славянофилы. При этом под общечеловеческим в данном случае понималось в основном европейское. Такое понимание усиливалось, по мнению Данилевского, тем, что под общечеловеческим здесь понималось не французское, немецкое или английское, а в целом европейское. Но Франция, Германия и Англия, отмечал Данилевский, – это единицы только политические, в плане культурном они все романо-германский или европейский тип. Сочувствуя в целом позиции славянофилов, их критике отрицательных сторон западной цивилизации, Данилевский специально подчёркивал, что нельзя согласиться с их основной посылкой, что славянам якобы суждено решить общечеловеческую задачу. Решения такой задачи вообще не существует, так как каждый народ в рамках своего культурно-исторического типа раскрывает какие-то вполне определённые проявления общечеловеческого.

Общечеловеческое, по мнению Данилевского, выступает как своего рода всеобщий результат развития разных племен в разные периоды истории и в этом плане как всеобщая абстракция оно намного беднее своих конкретных национальных форм. Человечество и народ относятся друг к другу как родовое понятие к видовому. Общечеловеческой цивилизации нет и не может быть в принципе, поскольку тогда мы должны были бы свести все конкретное многообразие жизни народов к их абстрактной всеобщности. Самобытность каждого культурно-исторического типа предполагает невозможность передачи ценностей цивилизации этого типа народу или племени другого типа. Пример Польша. Католицизм здесь принял карикатурные формы даже по сравнению с Испанией. Рыцарство в форме шляхетства привело к распаду некогда единого и централизованного государства. Схожую ситуацию, согласно Данилевскому, можно наблюдать и у других славянских народов, принявших католицизм и пытающихся копировать западную культуру. То, что эти народы внесли ценного в мировую историю, явилось следствием не их подражания европейской цивилизации, а

наоборот, результатом борьбы с ней. К примеру, борьба Польши против крестоносцев или религиозная реформа на православный лад в Чехии во времена Гуса и Жижки.

Существенные различия проявляются между миром европейским и миром славянским, по мнению Данилевского, и в сфере политической, в области государственного устройства. Однако чтобы уяснить их, необходимо изложить общие теоретические представления о государстве. В соответствии с английским понятием государство, отмечает Данилевский, есть такая форма или такое состояние общества, которое обеспечивает членам его покровительство личности и имущества, понимая под личностью жизнь, честь и свободу граждан. При этом жизнь, честь и свобода понимаются не в индивидуальном, а в национальном, т.е. народном плане, так как у самобытных народов личная свобода и демократия никогда не ставятся выше их национальных чувств.

Иначе зачем тогда, подчёркивает Данилевский, было немцам восставать против власти Наполеона. Ведь Наполеонов кодекс в государствах Рейнского союза давал намного больше демократии и личной свободы, чем это было в Священной Римской империи или после в Германском союзе. Очевидно что и русскому народу тогда было бы незачем воевать с Наполеоном, поскольку он обещал для него такие гарантии прав и свобод личности (и судя по другим странам обеспечил бы их выполнение), каких тогдашнее общественное и гражданское состояние России не представляло. На основе всего отмеченного выше Данилевским делается вывод, что народность составляет существенную основу государства. Один народ должен составлять одно государство. Естественно, отмечает он, что речь идёт о народах, которые ещё не умерли для политической жизни и сохранили не только этнические особенности, но и стремление к политической суверенности. При этом форма государства может быть различна: от централизованного политического целого до более или менее слабо соединённых федеративных частей.

Рассматривая истоки возникновения и развития российской государственности, Данилевский отмечает, что первый толчок образованию древнерусского государства был сообщен славянским племенам призыванием варягов. В истории существует множество примеров, когда народы, покорив соседние племена, создавали на их почве совместное государство, растворяя эти племена в своей культуре. Однако в примере с Россией, по мнению Данилевского, произошло обратное, т.е. сами варяги растворились в славянской культуре, так как в силу своей малочисленности (князь и дружина) они очень быстро переняли славянский образ жизни и язык. Уже внук Рюрика носит славянское имя, а его правнук – Владимир стал в народном сознании типом чисто славянского характера.

Древнерусское государство образовывалось в силу стремления самих славянских племён к объединению и поэтому оно сильно отличалось от его западных аналогов. В нем не было той развитой системы феодализма, которая существовала на Западе. Древнерусское государство складывалось в виде системы удельных княжеств, когда государственность в качестве центра в Киеве распространялась на всех, но каждая часть сохраняла свою равноправность, как особое самостоятельное образование. Взаимные отношения членов княжеского дома сохраняли связь частей государства, но с умножением княжеского рода, с ослаблением связи между его членами в последовательности поколений, одного великокняжеского центра становится недостаточно. Образуется множество великокняжеских центров, что в условиях необозримого пространства лесов, болот и степей ещё более ослабляло связь.

Процесс этот не успел достигнуть своих пределов, но если бы государственный элемент, выражавшийся князьями и их дружиною получил полное завершение, то удельной системе предстояло переродиться в настоящий феодализм. В условиях обширности территорий, их слабой заселенности и непрочной связи между княжествами – это скорее всего привело бы к разложению и распаду на множество самостоятельных и независимых государств, в которых народная свобода погибла бы под гнётом мелких тиранов. Возможен был и второй вариант, когда государственность чисто номинально бы сохранилась, сохранилась бы и единая народная воля, но власть центра осталась бы во многом символической, все части получили бы практически полную самостоятельность. Похожая ситуация сложилась в шляхетской Польше, которая закончилась её разделом между могущественными соседями.

Однако подобным путям развития России не суждено было сбыться в связи с монголо-татарским нашествием. Отмечая весь ужас положения русских и жестокость завоевателей, необходимо всё же отметить, подчёркивал Данилевский, что оседлый образ жизни славян и кочевой характер жизни татар исключали возможность какого-либо смешения между ними культур. Русские оставались в своих лесистых местностях, а татары заняли задонские и заволжские степи. Сама власть татар над русскими вылилась в форму данничества последних первым. Причём даже эту дань татары предпочитали собирать не сами, а поручали это делать русским князьям, в основном московским. Последние вследствие этого получили всю полноту власти над русскими княжествами из рук

татар, создав централизованное государство, но при этом ответственность за ненавистную сторону мытарства падала на орду, заставлявшую платить дань.

Когда иго рухнуло, единство сохранялось уже собственными средствами, но сделать это без постоянного войска, без армии чиновников, при низком уровне промышленности и ничтожной городской деятельности было сложно. Связь была настолько слаба, что государство рухнуло даже под слабыми ударами поляков, – причём и не государства польского, а отдельных польских шляхов. Государство восстановил народный дух, а не власть, который в течение 750 лет со дня основания Руси создал духовное единство и национальную гордость народа. Но государство не могло существовать только за счёт этого духа, оно само должно было создавать условия для его сохранения. В тогдашних условиях единственным способом сохранения государства выступало обращение всего народа в крепость. Это понял уже Годунов, Пётр I довершил данное дело.

Естественно, что крепостная неволя была формой феодализма, характерной и для Европы. Но в России она имела свою специфику, определяемую в основном общинным, то есть коллективным землепользованием. Кроме того, в допетровское время крестьяне могли фактически переходить от одного помещика к другому или просто уходить на Дон. С ревизии, установленной Петром, крестьяне были отданы в полную зависимость помещикам, на которых лежала обязанность поставки рекрутов и уплаты податей, но и сами дворяне были в крепости у государства. С грамотой о вольности дворянства, выданной Екатериной II, начинается третий период крепостного права на Руси, когда оно, как подчёркивает Данилевский, уже потеряло причину своего существования.

К XVII веку Европа достигла огромных успехов в развитии науки и техники, что сказалось в том числе и на оснащённости армии и флота европейских государств. Россия же оставалась во всех отношениях отсталой страной. Заслуга Петра I состояла в том, что он смог создать в России промышленность, новую армию и флот, способные не только противостоять армиям ведущих стран Европы, но и побеждать их. Однако Пётр I, по мнению Данилевского, попытался перенести на русскую почву и западную культуру, западный образ мысли, чего делать было нельзя. Общество в результате оказалось расколотым на верхний слой, который в основном стал подражать Западу и остальную часть народа, которая сохраняла верность традициям русской культуры.

Можно было выделить, согласно Данилевскому, три основные формы западного влияния: 1) Искажение народного быта и замена его формами чуждыми, иностранными. Это чрезвычайно затрудняло становление народного искусства (последствия видны даже на иконописи). 2) Перенесение чужеземных учреждений на русскую почву. Введение немецких городских порядков, в более широком плане – немецкого бюрократического устройства. 3) Смотрение на внутренние и внешние дела России с европейской точки зрения, через европейские очки.

Своеобразие России в рамках славянского культурно-исторического типа состоит, по мнению Н. Данилевского, в общинном характере землепользования. Отмечая специфику славянского культурно-исторического типа и его отличие от европейского, Данилевский подчёркивает, что каждому культурно-историческому типу присущи в той или иной комбинации четыре разряда деятельности: 1) Религиозная деятельность. 2) Культурная (научная, эстетическая) деятельность. 3) Политическая деятельность. 4) Социально-экономическая деятельность. В египетском, вавилонском, китайском, индийском и иранском эти разряды деятельности ещё слиты воедино, так как мы здесь имеем дело с первичными культурами. В еврейском культурно-историческом типе основу составляет религиозная деятельность, в греческом – культурная, в римском – политическая, в европейском – социально-экономическая. Своеобразие славянского культурно-исторического типа состоит в том, что он четырёхосновный. В нём все четыре разряда деятельности равноправны и составляют основу этого культурно-исторического типа, что позволяет предположить за ним великое будущее.

Литература

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011.
2. *Буйло Б.И.* Тема России в русской социально-политической и философской мысли конца XIX–XXI веков. М.: Юридический институт МИИТа, 2014.
3. *Буйло Б.И.* Культурные традиции и истоки русского национального самосознания в воззрениях Н. Бердяева // Гуманитарные и социальные науки (www.hses-online.ru). 2014. № 3.

References

1. *Danilevsky N.Ya.* Russia and Europe / Executive editor. O.A. Platonov. M.: Institute of Russian civilization, Benediction, 2011.
2. *Builo B.I.* Theme of Russia in socially-political and philosophical thought at the end of XIX–XXI centuries. M.: Juridical institute MSUTR, 2014.

3. *Builo B.I* Cultural traditions and sources of Russian national consciousness in view of N. Berdyaev
// Humanitarian and social sciences (www.hses-online.ru). 2014. No 3.